

„ОГЛЯНИСЬ НАЗАД БЕЗ ГРУСТИ“

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Писатель Натиг Расул-заде хорошо знаком молодому читателю, в том числе и читателям «Молодежи Азербайджана». В издательстве «Молодая гвардия» готовится к свет новая книга про землю «Азербайджан». Предлагаем отрывок из повести «Оглянись назад без грусти», вошедшей в эту книгу.

„Понедельник — пятница. Потом: пятница — понедельник. Дни летят стремительно, как угорелые. Куда торопятся! После тридцати время бежит катастрофически быстро, и кажется, что бежит оно, позабыв тебя, будто ты — запоздавший пассажир на перроне, а мимо проскаивают окна вагонов, и уже не вскочишь ни в один из них, потому что поезд скорый, а ты уже не совсем молод. Скажем так. Не совсем молод, чтобы вскочить, как бывало, на подножку вагонаплатформы или вагон-среды, и вот мчаться дни вагоны мимо, а ты стоишь один в толпе насмешливых взглядов со своими вещами — чемоданом или саквояжем — все равно, теперь никому нет дела до твоих вещей и до тебя, нет до тебя дела и уделяющемуся поезду, оставляющему после себя чистые рельсы и что-то, напоминающее горечь утраты.

Понедельник — пятница. Пятница — понедельник. Все остнее чувствуешь потерю дней, каждого дня, промчавшегося мимо тебя, мимо, а не сквозь тебя, как бывало, промчавшегося, не загронув, не всколыхну души, черт бы побрал...

Жара ужасная. Солнце светит и жарит, и кажется — не будет этому конца. Хочется пасмурных, дождливых дней. Хочется уехать из города туда, где идут бесконечные серые дожди, где можно ходить в плащах и куртках, где капли, чистые, как жемчуг, в свете ночных уличных фонарей сыплются на лица, на волосы, на руки... Жара — как бедствие. Люди передвигаются по солнечным тротуарам с энергией заряженных креветок. Черт возьми, до чего же хорошо звучит это слово — осень. До чего приятно звучит сентябрь по сравнению с июнем: слова май, июнь, июль кажутся какими-то бесхребетными, размягченными, разморенными и вялыми по сравнению с молодыми, свежими и подтянутыми — несколько меланхоличным и грустным сентябрьем, с октябрям в черном фраке и шляпе, строгим и печальным.

Понедельник — пятница. Ребячая неделя. Редакция, бесконечные телефонные звонки, до смерти надоечные разговоры с авторами, редакторские совещания, засып материалов очередного номера в типографию, читка корректуры, редактирование рукописей и прочее, прочее... А по вечерам приходит она и приносит свои меленькие проблемы, крохотные неудачи и небольшие радости. Она вызывает на меня все свои новости разом, но я — неблагодарный слушатель: все ее слова скользят по поверхности сознания, и в памяти ничего не остается. Иногда переспрашиваю, и, как обычно, невпопад. Она обижается. Ведь только что рассказывала...

Ах, да. Прости, прослушай. О чём ты думаешь, скажи, пожалуйста? Ну вот... О чём думаешь... Что может быть нелепее этого вопроса?

Потом: пятница — понедельник. И два дня проходят не заметно, как несколько минут. Летят дни, летят будто угорелые, мчатся, убегают, как слепые, пустые окна вагонов, похожие на бессмыслицу взгляд глаз сумасшедшего. Жара. Бумага прилипает к локтю. Тогда можно лечь на прохладный пол и работать, прикрыть глаза, закинуть руки за голову, писать, думать, писать. И не надо подходить, чиркать на машинке, и не будет бумага прилипать к правому локтю, а главное — так можно написать именно то, что чувствуешь. На то, что не бумага.

О чём ты думаешь, скажи, пожалуйста? Он молчит. Она

ждёт и снова спрашивает. Ни о чём, нехотя отвечает он. Она огорчена. Дуется. Боже мой, к чёму все это, думает он с досадой.

Был один из липких вечеров середины августа, когда она вытащила его из квартиры, и они пошли гулять. На его стole лежал незаконченный рассказ о человеке, который ходил по ночам по пляжу и смотрел на звезды, крупные, как альбиносы. Потом допишишь, сказала она.

Вчера умерла бабушка. За три часа до того, как она скончалась, отец вошел в мою комнату. Он подошел к окну и, не глядя мне в лицо, сказал:

— Бабушка совсем плоха... Я что-то пробурчал в ответ утешительное. Он походил по комнате и вышел.

Перед смертью бабушка сказала:

— Трудно умирать.

Бабушке было восемьдесят девять.

Конец августа, но погода все еще, как и на протяжении всего лета, стоит жаркая, только один день выдался хмурый, с мелким дождиком, словно предупреждая о приближающейся осени.

Было еще рано возвращаться в общежитие — только начало десятого, и от Элика с Мариной я поехал на тройке по Пушкинской площади, чтобы погулять по улице Горького. Снег приятно хрестил под моими ногами, выдался чудный морозный вечер. Возвращался к себе около двенадцати часов. На той половине этажа, где находилась наша комната, было непривычно тихо, и потому я сразу различил негромкое шипение со стороны кухни. Я торопливо пошел в кухню.

Газ на всех четырех плитах был зажжен, а посреди этого буйства огня лежал на раскладушке чеченец Хасан с пятого курса, лежал, словно в знойный полдень под абрикосовым деревом, заложив руки под голову и мечтательно глядя в потолок.

— Ты чего тут? — спросил я.

— В комнате холод собачий, а я простужен, — сказал Хасан. — Здесь решил поспать немножко.

— Немножко — это сколько?

— Одну ночь.

— Смотри, пожару надеяешь.

— Нет, ничего не будет.

— Ну, смотри.

Я собрался уходить, но тут Хасан окликнул меня:

— Роман пишу, — сообщил он. Его так и распирало от гордости. — Замечательный роман. Скоро все скажете, как начнем его обсуждать.

— Ну, ну... Ты же вроде стихи писал?

— А теперь вот, видишь, на роман замахнулся. Материал огромный, исторический, только в романную форму и вмещается, понимаешь? Но роман получится — скажете, вот какой!

— Желаю удачи.

Я пошел к своей комнате. В дверях торчала записка для Зорика. «была, не застала. Приеду завтра к 7 часам. Валя». Деловая девочка эта Валя, кто бы она ни была. Ни одного лишнего слова. Молодец. Даже жаль, что она не застает здесь Зорика ни завтра, ни послезавтра. Он собирался переехать на квартиру, снял где-то в районе Красной Пресни. И отлично, надо сказать, сделал. Поживу один. Зорик — замечательный парень, но я считаю, что это просто издевательство над членом — заставлять жить в одной комнатушке в шестнадцать квадратных метров двух таких ребят, как я и он. Нет, пишущая братия непременно должна селиться по одному, изолированно. Нервы здорово будут. Работа пойдет лучше...

В дверь постучали, и вошел Атав, мой сокурсник из Дагестана.

— Дай мне машинку до утра, — начал он без долгих предисловий, — надо подстричь стихи подготовить для семинара. Если хочешь, приходи на семинар, меня об

суждеть будут.

— Машинку не дам, — сказал я, — видишь, из нее торчит недописанная страница повести. Надо дописать.

— Эта страница торчит уже целую неделю, — недовольно пробурчал Атав.

— У меня творческий застой.

— Ну и черт с тобой. Застырай и дальше, — сказал Атав.

— В таком случае, на семинар можешь не приходить. Не фиг ты мне нужен.

— И не собирался, — сказал я.

Он улыбнулся. Я хлопнул его по плечу:

— Спрячь зубы. Возьми у Женьки машинку. Я ночью поработаю...

— В общем, не забудь, зайди на обсуждение. Может, вякнешь что-нибудь в мое оправдание, — сказал он, уходя.

Я подошел к окну и стал смотреть на дом напротив. Он назывался «Зеленым домом». Он был покрашен в зеленый цвет и выглядел очень уютно, хотя совсем не был маленьким домом. Особенно сейчас, когда пошел хлопьями снег, он казался уютным. Зеленый дом. Так называлась и троллейбусная остановка напротив нашего общежития — остановка «Зеленый дом». Так ее объявили водители троллейбуса. Я смотрел на зеленый дом, утонувший в ночи, как красивый старинный фрегат в пучине моря, и до боли ясно чувствовал свое одиночество. Окна зеленого дома чернели, казалось, бездонной глубиной.

В дверь опять постучали и опять вошел Атав, теперь уже с портативной машинкой под мышкой.

— Машинку не дал, дай хоть сигареты, — сказал он, — ни одной сигареты на ночь не осталось, а мне еще до утра вкалывать.

Я протянул ему полпачки дешевых сигарет «Дымок», и он ушел довольный.

Завтра в десять — лекция по зарубежной литературе, этот курс у нас читал — замечательно, надо сказать, — Станислав Джимбинов.

На лекции Стасик, как мы его называли, привезли студенты с филфака МГУ, вечно к началу его лекций возникали стычки из-за стульев, которых, как правило, не хватало, тогда как на других лекциях пустовала добрая третья аудитории.

Непростительно опаздывать на лекции Стасика, нам это казалось таким же кощунством, как не прочитать новую повесть Трифонова, или не пойти на фильм Даниэли. Завтра Стасик будет читать о Хемингуэе и обещал, если останется время, поговорить и о Сэлинджерове. Вряд ли, конечно, останется время. Стасик постоянно увлекается, его заносит все время в сторону от основной темы, но, увлекаясь сам, он, конечно же, увлекает и нас, всю аудиторию, и слушаемы его, боясь упустить хоть слово. Я завалился спать, предвкушая удовольствие от завтрашней лекции по зарубежке, как от свидания с любимой девушкой...

— Что же ты будешь делать? — спросила она.

Они сидели на скамейке в маленьком аэропорту маленького южного городка. Два самолета на площадке. Тишина.

Порой чиркающие воробьи слегка царапали тишину. За их спиной — одноэтажное каменное здание, где он только что купил билет. Приглушенная пылью зелень деревьев слева от здания. Ясный полдень, и четкие тени на земле. Он все еще не верил в реальность этого мира, в реальность проходящего, в прозрачный, горячий воздух, струящийся над ними, помогал ему в этом. Впрочем, ничего ведь особенного и не произошло.

— Хорошо тут у вас, — сказал он, а сам подумал: скверно.

— Да... — сказала она. — Не то что в большом городе.

— Разве ты не любила Москву? — спросил он.

— Нет... Теперь мне кажется, что нет.

— А не скучно тебе тут?

спросил он и заметил ее удивленный взгляд. Забыл, подумал он, самое главное забыл, какая уж теперь скуча...

Она окинула его равнодушным взглядом. Он усмехнулся — за три года они привыкли понимать друг друга с полуслова.

— Не нужно было меня вызывать сюда, — сказал он через некоторое время, с досадой отмечая про себя, что оять прав, — ведь только вчера мы с тобой говорили по телефону.

— Прости, — сказала она. — Прости меня... Я как-то не想起了 по телефону.

— А теперь решилась.

— Он знает, что ты приедешь, я ему сказала. Прости меня.

— Ладно, — сказал он, — только я очень устал. Не спал ночь и опять лететь. Устал.

— Прости меня, — повторила она.

Низко над ними пролетела птица. Было очень тихо. Пять на солнечного света свисали на листьях деревьев.

— Тут можно чего-нибудь выпить?

— Да, — сказала она, — здесь рядом вино продают.

Он полез в карман и вытащил две мятые бумажки по рублю. Среди тишины резко, как удар колокола, прозвучало объявление аэропортового радиоузла. Два выстрела среди тишины. Его самолет. Посадка.

— Ладно, — сказал он и пошел к площадке, где погнуло стояли два самолета, похожие на послушных серебристых осликов.

— Пошел, — сказал он самому себе, шагая.

Она шла рядом. Девушка в синем у входа на площадку взяла его билет, посмотрела и вернула. Три пассажира с чемоданами спешно вытаскивали билеты. Внезапно сделалась пасмурно. Он и она одновременно подняли головы. Не было затаившись тучами.

— Я хочу, чтобы ты меня прости, — сказала она.

— Это ничего не значит, — сказал он. — Все это — чепуха. Она мельком взглянула ему в лицо и тут же, будто обожглась, отвернула взгляд. Он напряженно улыбался.

— Кажется, дождь пошел, — тихо сказала она, голос чуть дрожал.

— Ничего подобного, — сказал он, — это я плачу.

И пошел к самолету. Она не посмотрела ему вслед. Повернулась и пошла к автобусу, чтобы успеть на автобус в город, потому что следующий должен быть только через два часа.

Когда он пролетал над городом, который за полчаса стал ему ненавистен, он посмотрел вниз. И увидел крохотные домишкы, совсем уж крохотные отсюда, сверху. А в них люди, подумал он, и все любят, и страдают, и плачут, и веселятся — какая разница, все это мелко, очень мелко сверху, думал он, и собственное горе на миг показалось ему не таким уж неповторимым.

Хотя ему было очень больно.

Стюардесса протянула ему поднос со стаканчиками минеральной.

— Вы очень бледный, — сказала она. — Вам плохо?

— Нет, — сказал он. — Все нормально, — и отвернулся к окну.

Мимо рваные тучи мчались, как стадо бизонов. Дождь косыми, тонкими штрихами ложился на кружок мильяниатора. Стюардесса прошла дальше, предлагая пассажирам воду. Рядом, через проход, спал толстячок. Но его рука сидела вялая от холода мухи. Впереди женщина читала газету...

Потом началась сессия, надо было действовать, готовиться, читать, сдавать, чтобы не остаться с хвостом, не лишиться стипендии